

Два дня я ждал Кантос Кана, но так как он не являлся, я отправился в северо-восточном направлении, к тому месту, где, как он сказал, пролегал ближайший водный путь. Мою единственную пищу составлял сок растений, которые щедро дарили мне эту ничего не стоящую жидкость.

В течение двух длинных недель я путешествовал, ковыляя по ночам, руководимый звездами, скрываясь днем за каким-нибудь выступом скалы. Иногда в темноте на меня нападали дикие звери – страшные неуклюжие чудовища, но мне стоило только взять саблю в руки, чтобы освободиться от них. Обычно моя странная, вновь приобретенная телепатическая сила предупреждала меня, но однажды я был опрокинут, схвачен когтями за спину, и косматая голова прижалась к моей, прежде чем я понял, что мне угрожает.

Что за существо схватило меня, я не знал, но, что оно велико и тяжело, – я мог почувствовать. Мои руки очутились на его горле прежде, чем его клыки успели пронзить мою шею, и медленно я оторвал поросшую шерстью морду от себя и сдвигал пальцами, как тисками, его горло.

Мы лежали без звука; зверь употреблял все усилия, чтобы достать меня своими ужасными клыками, а я изо всех сил сжимал его горло и пытался задушить. Медленно уступали мои руки в неравной борьбе, и горящие глаза и сверкающие клыки надвигались на меня, пока косматая морда не коснулась моего лица, и я понял, что все кончено. Но в это время что-то живое, выскочив из окружающей темноты, упало на того, кто держал меня пригвожденным к почве. Оба схватились и покатались по траве, терзая, и раздирая друг друга, все было кончено, и мой спаситель стоял, опустив голову, и держа за горло тварь, которая хотела меня убить.

Вскоре луна, внезапно показавшаяся над горизонтом и осветившая мусрабскую землю, показала мне, что защитником моим был Вула; но откуда он взялся и как нашел меня – я не знал. Не нужно говорить, как я был доволен его присутствием, но удовольствию видеть его мешало беспокойство – почему он покинул Дею Торис?

Я знал, что только смерть последней могла быть причиной этого ухода – настолько точно он повиновался моим приказаниям.

При свете молодого яркого месяца я увидел, что он был тенью прежнего Вулы, и, когда он отвернулся от моих ласк и начал жадно пожирать мертвое тело у моих ног, я понял, что бедное животное было полумертвым от голода.

Я и сам был в немного лучшем положении, но не мог заставить себя есть сырое мясо и не имел никаких средств добыть огонь. Когда Вула кончил свою трапезу, я опять пустился в свой утомительный и, казалось, бесконечный путь в поисках скрывающейся реки.

На заре пятнадцатого дня моих поисков я обрадовался, увидев высокие деревья, означавшие близость воды. Около полудня я дотащился, измученный, до входа в огромную постройку, до ста метров высотой. В мощных стенах не было видно никакого отверстия, кроме маленькой двери, у которой я опустился, задыхаясь; вокруг не было видно никакого признака жизни. Я не нашел ни звонка, ни другого способа оповестить о своем присутствии жителей этого места, кроме маленького круглого отверстия в стене, около двери, сделанного для этой цели. Оно было размером не больше, чем графит карандаша; думая, что это могло быть нечто вроде переговорной трубы, я приложился к нему ртом и был готов крикнуть туда, как вдруг голос, исходящий из него, спросил меня, кто я, откуда и по какому делу.

Я объяснил, что бежал из Варгуна и умираю от голода и усталости.

- Вы носите вооружение зеленых, и вас сопровождает собака, чертами же вы походите на красного. Но ваш цвет, ни красный, ни зеленый. Именем девятого дня, что вы за существо?

- Я друг красных людей Мусраба, и я умираю от голода. Именем человечности, откройте мне, - отвечал я.

Тогда дверь начала отодвигаться передо мной, пока не отклонилась от стены на метр, затем она остановилась и легко скользнула влево, открывая короткий коридор из бетона, в конце которого была другая дверь, похожая на ту, через которую я прошел. Никого не было видно; как только мы прошли первую дверь, она позади нас тихо скользнула на свое место и заняла прежнее положение в фасадной стене здания. Я заметил ее толщину - добрых полметра. Вторая и третья дверь отодвинулись передо мной и отклонились в сторону, как первая, прежде чем я достиг широкой внутренней комнаты, где нашел еду и питье, поставленные на большой каменный стол. Голос предложил мне утолить голод и накормить собаку, и, когда я сделал это, мой невидимый хозяин подверг меня строгому и внимательному допросу.

- Ваш рассказ весьма замечателен, - сказал голос, приступая к своему экзамену, - и вы, очевидно, рассказали правду, а также очевидно, что вы не с Мусраба. Я заключаю это по строению вашего мозга, по странному расположению ваших внутренних органов и по форме и объему вашего сердца.

- Разве вы можете видеть меня насквозь? - воскликнул я.

- Да, я также хочу видеть ваши мысли, и если бы вы были мусрабец, я смог бы прочесть их.

Тут в дальнем конце комнаты открылась дверь и странная, иссохшая мумия человека приблизилась ко мне. Он носил единственный предмет одежды - узкий золотой ошейник, с которого спускалось на его грудь крупное украшение, величиной с тонкое блюдо, сплошь усыпанное огромными бриллиантами, исключая центр, занятый странным камнем: величиной три сантиметра в диаметре, он испускал девять отдельных и ясно различимых лучей: семь из них были цвета нашей земной призмы, а два прекрасных луча для меня были новы и безымянны. Я могу описать их вам не более, чем вы могли бы описать красный цвет слепому. Я только знаю, что они были изумительно прекрасны.

Старик уселся, и мы проговорили в течение четырех часов; самое странное в нашем разговоре было то, что я мог читать его каждую мысль, тогда как он не мог проникнуть в мои ни на йоту. Я не сказал ему о моей способности ощущать его умственную деятельность, что имело огромное значение для меня впоследствии, так как узнал многое, чего я никогда бы не постиг, если бы он заподозрил мою странную силу; ибо тариане умело, контролируют свой умственный механизм, что способны управлять своими мыслями.

Здание, в котором я находился, содержало машины, производившие ту искусственную атмосферу, которая поддерживала на Таре жизнь. Секрет этого усовершенствованного процесса зависел от применения девятого луча, одного из тех великолепных лучей, которые, как я заметил, исходили из большого камня в украшении моего хозяина.

Этот луч отделяется от других лучей солнца посредством тонко приспособленных инструментов, помещенных на крыше здания, три четверти которого занято резервуарами, в которых скапливается девятый луч. На вещество действуют электричеством, вернее, некоторые частицы тончайших электрических вибраций соединяются с ним, затем его накачивают в пять главных воздушных центров планеты, где по мере освобождения, соприкасаясь с мировым эфиром, оно преобразуется в атмосферу.

В огромном здании всегда имеется запас девятого луча, достаточный, чтобы удержать существующую на Таре атмосферу в течение тысячи лет и существует, как сказал мой новый знакомый, только одно опасение – что какое-нибудь несчастье случится с накачивающими аппаратами.

Он провел меня во внутреннюю комнату, где я увидел батарею из двадцати странных предметов похожих на лампы, каждая из которых могла выполнить задание по снабжению всей Тары атмосферным составом. Уже восемьсот лет, – он охранял эти лампы, которые употреблялись поочередно, причем действие продолжалось один день или немного более двадцати четырех с половиной земных часов. Он имел помощника, который разделял с ним дежурство. Половину Тарианского года, около трехсот сорока четырех наших дней, каждый из этих людей проводил один в этом огромном изолированном сооружении. Каждый тарианин с малого возраста изучает принципы производства атмосферы, но только двое знают тайну проникновения в огромное здание, которое совершенно неприступно, так как стены его имеют десятиметровую толщины, а крыша охраняется от действия воздушных сил покрывающим ее стеклом в пять метров толщины.

Следует бояться только нападения зеленых или какого-нибудь обезумевшего красного: все мусрабцы знают, что существование жизни на Таре зависит от непрерывной работы этого сооружения.

Следя за его мыслями, я открыл любопытный факт: наружные двери передвигались телепатическим способом. Дверные замки были так приспособлены, что двери открывались при некоторой комбинации мыслительных волн. Экспериментируя своей новой открытой способностью, я пожелал захватить моего собеседника врасплох открытием этого обстоятельства и, как будто, между прочим, спросил его, как он мог открыть мне массивные двери, находясь во внутренних помещениях здания. С быстротой молнии в его уме возникло девять тарианских звуков, но тут же исчезли, и он ответил, что этой тайны нельзя разглашать.

С тех пор его обращение ко мне изменилось, как будто он боялся быть уличенным в разоблачении великой тайны, и я читал подозрение и страх в его взгляде и мыслях, хотя его слова все еще были приветливы.

Прежде чем я удалился на ночь, он обещал дать мне письмо к живущему вблизи начальнику земледелия, который мог бы помочь мне в моем пути к Зодангу – самому близкому, по его словам, городу.

– Но будьте осторожны, чтобы там не узнали, что вы союзник Гелиума: они воюют с этой страной. Мой помощник и я не здешние – мы принадлежим к племени Мусраб, и этот талисман, который мы носим, защищает нас во всех государствах – даже среди зеленых – хотя мы не могли бы верить им, если бы утратили его, – прибавил он.

– Итак, доброй ночи, мой друг, – продолжил он, – желаю вам долгого и спокойного сна, да, долгого сна.

И хотя он ласково улыбнулся, я читал в его мыслях намерение, которое он скрывал от меня: передо мной уже рисовался образ этого человека, стоящего ночью у моего ложа, и затем быстрый удар длинного кинжала, и полу произнесенные слова: «Мне жаль, но это для блага Мусраба». И хотя он закрыл за мной дверь моей комнаты, его мысли проникали ко мне; это было ощущение как бы исходившего от него света. Я совершенный невежа в вопросах передачи мыслей, и это казалось мне весьма странным.

Что мне было делать? Как мог я бежать из-за этих мощных стен? Я мог бы легко убить его, раз я был предупрежден об опасности, но, если бы он умер, я бы не смог выйти, а с остановкой машин этого огромного сооружения я должен был бы умереть, как и все остальные обитатели этой планеты – все, даже Дея Торис, если она еще жива. Для других я бы и пальцем не шевельнул, но одна мысль о Дее Торис изгнала из моей головы всякое желание убить моего недоброго хозяина.

Я осторожно открыл дверь и, сопровождаемый Вулой, нашел внутреннюю из больших дверей. Мне пришла в голову безумная мысль – попробовать подействовать на огромные дверные замки девятью мысленными волнами, которые я прочитал в уме моего хозяина.

Тихонько миновав коридор за коридором, покружив по переходам, которые вели то туда, то сюда, я, наконец, достиг большой залы, в которой был, сегодня, утром. Нигде не видел я своего хозяина и не знал, где он находится.

Я готов был смело войти туда, когда слабый шум позади меня заставил меня отступить в тень, за выступ коридора. Потянув за собой Вулу, я скорчился в темноте.

Едва я успел спрятаться, как старик прошел мимо меня, и когда он вошел в слабо освещенную комнату, в которую я собирался войти, я увидел, что он держал в руке тонкий длинный кинжал, который стал точить о камень. Он собирался, по-видимому, осмотреть лампы, что должно было занять около тридцати минут, а затем вернуться в мою спальню и прикончить меня.

Когда он прошел по большой зале и исчез на лестнице, которая вела к лампам, я бесшумно выскользнул из укрытия и наткнулся на большую внутреннюю дверь, из тех трех, которые отделяли меня от свободы.

Сосредоточив все мысли на массивном замке, я бросил против него девять мыслительных волн. Затаив дыхание, я ждал – и вот огромная дверь мягко сдвинулась передо мной и бесшумно повернулась в сторону. Одна за другой, остальные двери открылись по моему приказанию, и мы с Вулой шагнули в наружный мрак – свободные, но в лучшем состоянии, чем были раньше, на этот раз наши желудки были полны.

Торопясь выйти из тени огромного строения, я пошел по первой из перекрещивающихся дорог, намереваясь дойти до заставы города как можно скорее. Я достиг ее перед рассветом и, войдя в ограду, принялся искать какие-либо признаки жизни.

Кругом были низкие, неопределенной формы строения из бетона, запертые неподвижными дверями. Мои стуки и крик не вызвали никакого ответа. Усталый и изможденный бессонницей, я растянулся на почве и, приказав Вуле сторожить, уснул.

Немного спустя я проснулся от его страшного рычания. Открыв глаза, я увидел трех красных; они стояли на близком расстоянии от нас и целились в меня из своих ружей.

– Я безоружен и не враг, – поспешил я им объяснить, – я был в плену у зеленых и теперь иду в Зоданг. Все, что я прошу – это пищи и отдыха для меня и собаки и точные указания, как мне достигнуть места моего назначения.

Они опустили ружья и дружелюбно приблизились ко мне, касаясь правой рукой моего левого плеча, согласно обычной у них формой приветствия и, задавая мне множество вопросов относительно меня самого и моих странствий. Затем они отвели меня в дом одного из них, находившийся поблизости.

Постройки, в которые я стучался рано утром, были заняты только складами; дома стояли в роще огромных деревьев, и как все тарианские дома, поднимались на ночь на четыре или пять метров от земли на широкой металлической колонне, которая выдвигалась туда и обратно по каналу, уходящему в землю, и управлялась сложной машиной. Вместо того чтобы возиться с засовами и решетками для своего жилья, красные просто поднимали его вверх на всю ночь. Они имели также особые способы подниматься и опускаться, если хотели туда войти.

Встретившие меня три брата с их женами и детьми, занимали три одинаковых дома в этом поселке. Они сами не были земледельцами, так как состояли офицерами на службе правительства. Работы выполнялись домашними военнопленными, преступниками и несостоятельными должниками. Хозяева были олицетворением сердечности и гостеприимства; я провел у них несколько дней, отдыхая и приходя, а себя после моего долгого и трудного путешествия.

Когда они выслушали мою историю – я пропустил только всякое упоминание о Дее Торис и старике в атмосферном сооружении – они посоветовали мне окрасить мое тело, чтобы как можно больше походить на человека их расы, и затем попробовать поискать себе службу в Зоданге в армии или во флоте.

– Слишком мало шансов, чтобы вашему рассказу поверили, пока вы не докажете вашу правдивость и не подружитесь с высшей придворной знатью. Это вам легче всего сделать посредством военной службы, потому что мы – воинственный народ Мусраба, – объяснил один из них, – и мы относимся с почтением к человеку, который умеет сражаться.

Когда я был готов к отъезду, они снабдили меня маленьким домашним бычком, который ходит под седлом у всех красных. Животное это ростом с лошадь и очень низкое, но цветом и формами в точности соответствует своему большому и свирепому дикому родственнику – тоту.

Братья достали мне красного масла, которым я вымазал все свое тело; один из них постриг мне волосы по моде того времени – квадратом сзади и кольцами спереди – так что я мог пройти по всему Мусрабу как полноправный красный. Мое оружие и украшения также были обновлены в стиле зодангского мужчины, происходящего из рода Пторов – такова была фамилия моих благодетелей.

Они наполнили маленький мешок, висевший у меня на боку, зодангской монетой. Средства обмена на Таре не отличаются от наших, только у них монеты овальные. Бумажные деньги изготавливаются отдельными лицами по мере надобности, и выкупаются в течение двух лет. Если кто-нибудь выпустил больше денег, чем может выкупить, то правительство удовлетворяет его кредиторов, а затем несостоятельный должник работает на ферме или в копах, которые составляют собственность правительства. Туда попадают не только должники, было бы слишком трудно найти достаточно добровольцев, чтобы возделывать обширные изолированные сельскохозяйственные местности Тары, которые тянутся от полюса до полюса узкими лентами, через пространства, населенные дикими зверями и дикими людьми.

Когда я заговорил о невозможности отплатить им за всю их доброту ко мне, они стали уверять меня, что я найду для этого удобный случай, если поживу подольше на Мусрабе. Пожелав мне счастливого пути, они следили за мной, пока я не скрылся из вида по широкой белой дороге.